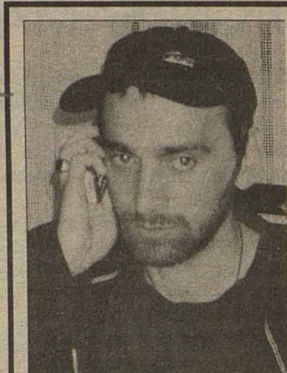

Новая 2003 - 2003 - 14-19 февр. - с.б.

Вроде бы он такой же, как все, — типичный киношный парень. Одет, как «они», говорит так же. А вот глаза выдают... В Чечне такие у всех — от старцев до дошколят. И поэтому можно даже и не спрашивать, о чем он, Мурад МАЗАЕВ, первый профессиональный кинорежиссер Чечни, снимал первый чеченский профессиональный художественный фильм. Конечно, о войне, с ясным пониманием, что фильм войдет в историю его народа как первый. Мураду Мазаяеву только 25 лет, но за его плечами — все, чего человеку хватает на весь отпущенный ему срок: две войны, жизнь при Дудаеве и Масхадове, желание выучиться и вырваться любой ценой и, наконец, Грузинский институт театра и кино им. Шота Руставели, и съемки. Фильм он, конечно, назвал «Маршо» — «свобода» по-чеченски. Мурад и сценарий написал, и был режиссером, и сыграл главную мужскую роль

ТРИ ЖИЗНИ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

В Тбилиси прошла премьера первого чеченского художественного фильма

— О какой из чеченских войн ваш фильм?

— О второй, о нынешней. Сюжет прост: это история одной семьи, живущей в предгорном селе. У Михаила — главного героя — братья, сестра, отец, мать и хобби, никак не связанное с войной, — он любит рисовать и хочет этим заниматься. Но начинается война, и Михаил идет защищать свою Родину. У него есть невеста, на которой он хочет жениться, — но свадьба тоже отходит на второй план. Когда начинается война, Михаил понимает, что не может быть в стороне. Развязка, основной эпизод — в горах: командир посылает группу в разведку, Михаил тоже идет, они нарываются на российских контрактников, начинается бой, Михаил получает смертельное ранение, контрактники пытаются уехать, но друг главного героя стреляет из гранатомета по удаляющейся машине, виден взрыв. Друг возвращается к Михаилу, происходит небольшой диалог, и главный герой умирает. Потом его труп привозят домой, и фильм заканчивается тем, что во время сцены прощания средний брат, которому 13—14 лет, срывает с погибшего Михаила зеленую повязку — символ того, что человек встал на путь священной войны. Смысл финала понятен: ничего не заканчивается со смертью одного бойца: убитого одного — встанет другой, убитого и этого — в семье подрастает самый младший брат.

Конечно, это только канва. Главные для меня сцены, где показано, кто такие бойцы, — прежде всего люди, которые мечтали совсем о другом, не о войне. И, находясь в отряде, они надеются, если останутся в живых, превратить свои мечты в жизнь. Один хочет учиться. Другой — жениться... Моя задача, как я ее чувствовал, была в том, чтобы показать современную историю моего народа и то, что военным путем чеченская проблема решиться не может. Это фильм о том, что люди вынуждены воевать, хотя они — обычные люди, которые этого не хотели. И пока нам предлагают только воевать, это значит, что когда погибнет поколение, выросшее при Дудаеве, ему на смену придет то, которое повзросло при Масхадове, потом — то, что вырастет еще при ком-то... Так и будет: потому что у каждого следующего поколения больше причин пойти на войну.

— Почему? Быть может, наоборот — придут такие люди, которые скажут: «Стоп! Хватит!»?

— Потому что чем дальше, тем больше крови. А значит, больше тех, кто видит это с самого раннего детства и воспри-

нимает нормально то состояние, когда жить — это и есть воевать. И наступит момент, когда никто не станет задумываться, ради чего воевать, за кого... Это будет просто жизнь, которую ты ведешь.

— У вас большая семья? Те, кто младше, тоже жестче вас?

— Думаю, да. У тех, кто младше, стирается граница между добром и злом от того, что они видят вещи, страшнее которых не бывает, — они росли с этим. И эта граница, наконец, стирается настолько, что зло почитают за добро.

— Вы воевали? Насколько фильм автобиографичен?

— Нет. Но я все об этом знаю. Поэтому Михаил — мой ровесник. А если говорить о том, насколько лично мне это близко, то могу сказать, что я видел все своими глазами, потерял многих близких и родных. Я думаю так: эта история могла произойти и со мной, и вполне может в дальнейшем произойти, я не исключаю этого.

— Вы собираетесь воевать?

— Нет, но у меня был друг, один из тех, кто учился в нашей группе в институте и тоже очень хотел быть кинорежиссером. История нашей чеченской группы в Тбилисском институте театра и кино такова: в Чечне вообще не было ни одного профессионального режиссера, и накануне первой войны в Тбилиси были направлены по договоренности с министерством культуры Грузии четыре молодых человека, желавших таким образом стать. Потом началась первая война, и всем четверым пришлось вернуться в Грозный. Возобновили мы учебу только в 97-м, вернулись в Тбилиси только двое из первого набора, и к нам добавили еще троих новеньких. Успели окончить два курса, и опять началась война. Второй раз восстановились в 2001 году. Теперь я уже закончил, а история моего друга такова: некоторое время назад, когда он был здесь, с нами, пришло известие, что дома убили близких ему людей, абсолютно ни в чем не участвовавших, при одном из обстрелов. И тогда он ушел из института и недавно погиб в бою.

— Вы, наверное, знаете, как он принимал решение — идти воевать? Вы говорили об этом?

— Нет. Это не обсуждалось, потому что все и так было понятно, и обсуждать было бы фальшиво: мол, иду мстить, боль переполнила сердце. Об этом не надо говорить. Но его теперь нет... А был он очень молодой и симпатичный пацан, совершенно далекий от войны и оружия, сочинял песни, хотел снимать фильмы. Был очень творческий...

— Как бы вы назвали то поколение чеченцев, к которому сами принадлежите, о котором ваш фильм? Потерянным? Заблудшим? Изуродованным?

— Я бы назвал мое поколение «прожившим несколько жизней». Мы — те, кому пришлось несколько раз переломить себя. Родились еще когда был Советский Союз, я успел поездить с классом в Пушкинские Горы, Москву, Ленинград, и это была отдельная жизнь, не связанная с последующей. Потом началась независимость — Дудаев, и значит, еще одна жизнь, совсем не похожая на предыдущую, надо было выживать по-новому. Потом — война, и опять новая жизнь... Между войнами опять все переломилось, другие отношения, люди вокруг... И снова война — то, что казалось невозможным, что просто не могло повториться, как мы считали, оно пришло. Думаю, я из поколения, которое прожило несколько жизней, один из меня остался в Советском Союзе, другой — в независимости, третий — в войне. Но я-то один.

— Какая из жизней, которую вы прожили, была самая счастливая?

— Честно — при Советском Союзе. Не потому, что я хочу его вернуть... Нас сразу не тащили в милицию. Куда бы ни ездил со школой по путевкам, везде было спокойно и понятно: если ты ничего не сделал, то тебя куда не заберут. Я рос и мечтал быть человеком мира — я хотел жить везде. Но теперь, когда все это произошло, я нигде не чувствую себя спокойно: ни в Грузии, ни в России, конечно. Если остановят и выяснят, что я чеченец, то это гарантия, что минимум заберут часа на четыре и будут допрашивать, требуя ответов на одни и те же вопросы, которые уже надоели: «Где наркотики? Где оружие?». Знаете, я думаю, что теперь, после того, что произошло, я бы уже не смог быть человеком мира. Я могу жить только в Чечне. Потому что это впечаталось и в меня: что чеченец — не просто нация, а образ жизни или специальность, человек, который должен всегда находиться в экстремальных условиях, 24 часа в сутки должен заниматься о том, чтобы не быть убитым.

● Анна
ПОЛИТОВСКАЯ
Тбилиси
Фото автора